

- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I-VII. Helsinki, 1955–1981.
 Tunkelo 1946 – Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.
 UEW – Rédei. K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Unter Mitarbeit von M. Bákro-Nagy, S. Csűcs, I. Erdélyi, L. Honti, E. Korenchy, K. Sal, E. Vértes. Budapest, 1986–1989.
 Vasmer 1934 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XVIII. Berlin, 1934.
 Vasmer 1936 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XX. Berlin, 1936.
 Wichmann 1903 – Wichmann Y. Etymologisches aus den permischen Sprachen 4–14 // Finnisch-ugrische Forschungen. III, 1–3. 1903.

.....

И. И. Муллонен
 Петрозаводск

КАРЕЛЬСКАЯ ТОПОНИМИЯ ВАЛААМА¹

Топонимия Валаама многослойна. При этом каждый из хронологических пластов отражает определенную страницу в жизни архипелага. В целой серии названий отразился Валаам туристический. Финский гарнизон периода, предшествовавшего второй мировой войне, оставил о себе память в таких названиях как *Vahtisaari* ‘Сторожевой остров’ или *Keittiösaari* ‘Кухонный остров’. Значительно топонимическое наследие Валаама монастырского. Названия десятков островов, заливов, внутренних озер и урочищ связаны с этой страницей в истории архипелага. Память о домонастырской жизни на островах, а также, видимо, о событиях периода разорения монастыря в XVII в. несут на себе многие сохранившиеся или отразившиеся в документах XVIII–XIX вв. географические названия с карельскими истоками. Для анализа использованы источники XVIII–XX вв.², из которых наиболее ценны «Описание карты угодий Валаамского монастыря» 1798 г. [Описание 1798], исследование А. П. Андреева по Ладожскому озеру [Андреев 1875], финские и российские топографические карты XX в. и материалы финляндского топонимического архива.

Выявление карельской топонимии сопряжено с определенными трудностями, связанными с активной русской и финской обработкой названий, изменившей их изначальный облик. С трудом реконструируется, к

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-04-49006а/С.

² Автор благодарит за помощь в сборе материала, в идентификации топонимов разных источников и за информацию о ландшафтно-географических и прочих особенностях объектов названия О. А. Ярового.

примеру, карельский оригинал таких названий островов Валаамского архипелага как *Ханжипаец* (< Nanhiraasi) или *Кабак* (см. ниже). Нередко только сохранившиеся в документах XVIII века нерусские формы названий, имеющих сейчас совершенно русский облик, позволяют говорить, что перед нами переводы оригинальных карельских топонимов на русский язык. Современный остров *Ягодный* (или *Никоновский*) в «Описании карты угодий монастыря ... 1798 года» известен как *Марья Саари* (*Marjasaari) ‘Ягодный остров’ (кар. marja ‘ягода’); остров *Федоровский* соответственно как *Ходарин Саари* (*Huodarinsaari), кар. Huodari ‘Федор’; остров *Крюк* – как *Куку сарет* (Koukkusaaret), кар. kuokku ‘крюк’: три небольших прилегающих друг к другу островка напоминали по форме крюк. Иногда объект имеет два названия – русское и прибалтийско-финское, которые на первый взгляд никак не соотносятся друг с другом. Однако более детальный анализ позволяет наметить такую связь. Показательно в этом смысле название острова *Дивный*, одного из самых красивых в Валаамском архипелаге. Дивный остров – это практически неприступная скала. Волны Ладоги разбиваются о крутые скалистые берега. Как возникло это название? Оно в принципе нехарактерно для традиционной народной топонимии. Так что вполне возможно, что перед нами «книжное» монастырское название. Однако не следует упускать из виду, что у острова есть другое название – *Девичий*, которое возникло как перевод карельского *Нейцют* (кар. neicyt ‘девушка, девица’), зафиксированного все в том же описании угодий монастыря от 1798 года. Возникает вопрос: не есть ли *Дивный остров* – результат переосмысления более ранней формы *Дивий остров, которая, в свою очередь, могла появиться в ходе перевода уже упоминавшегося оригинального карельского **Neicyt(soari)* ‘девий (остров)’. Форма притяжательного местоимения *девий* ‘девичий, девический’ была широко распространена в севернорусских говорах [СРНГ]. В соответствии с севернорусскими фонетическими особенностями *девий* преобразовывалось в *дивий*. Именно этот диалектный вариант мог в русле монастырской традиции (ср. рядом остров *Дикий*) переосмыслиться в *Дивный остров*. Видимо, свою роль в таком переосмыслении могли сыграть и природные особенности острова, его суровая северная красота. К этому следует добавить, что *Дивьи* и *Девичьи острова* не столь уж редки в топонимии Карелии. При этом название привязано как правило к небольшим скалистым островкам, с которыми нередко связаны предания о девушке или девушках, бросившихся или сброшенных по какой-то причине со скалы в воды озера [Криничная 1978; Криничная 1991]. Еще важнее, что для валаамского острова *Нейцют* обнаруживаются тезки в карельской топонимии, где неоднократно фиксируются острова (чаще всего скалистые, к которым трудно причалить) с названием *Neicytsoari*. Народная этимология возводит основу к слову neicyt ‘девушка’, однако исходя из характеристики островов логично предполагать, что в названии скрывается семантика ‘девственный,

неприступный, нетронутый’, которая присуща прибалтийско-финской основе. Именно таковы острова с карельским названием *Neicytsoari* и русские *Девичьи острова* (скалистые, труднодоступные, неосвоенные), которые у нас в Карелии, скорее всего, являются переводами карельских оригиналов.

В свою очередь, финская традиция последовательно финнизировала карельские топонимы. На самом деле на финских картах и в документах приводятся не собственно карельские топонимы, а их финские соответствия. Подтверждение этому находится, как это не парадоксально, в очень важном для исследования традиционной топонимии Валаама русском документе – упомянутом выше «Описании угодий 1798 г.». Этот документ возник через 80 лет после того, как на Валааме было начато восстановление монастыря. Однако внимательный анализ написания топонимов наводит на мысль о том, что в основу был, видимо, положен соответствующий документ шведского времени: географические названия написаны русскими буквами, но с соблюдением норм (добавим, далеко не устойчивых) финского правописания XVII–XVIII вв. В документе обращают на себя внимание такие особенности финской письменности этого периода, как непоследовательность в передаче долгих гласных: *saari* и *sari* (фин. *saari* ‘остров’), *maa* (Пало Маа) и *-ma* (Сур Метцама) от фин. *maa* ‘земля’; отражение на письме глухих взрывных, выступающих после сонорных или в окружении гласных, как звонких: *ламби* (*lampi* ‘лесное озеро’), *пелдо* (*pelto* ‘поле’) и др.; проблемы в передаче гласных переднего ряда ä, ö, у [Häkkinen 1994: 161–185]. Стремление землемера Морица фон Дрейера, составившего карту, к употреблению финских форм прослеживается не только в использовании финских фонетических норм, но и в попытке придать финский облик непонятым ему топонимам. Замечательный пример – написание известного валаамского топонима *Раутаверья* (*Rautaveräjä) ‘Железные Ворота’. Эта модель используется в карельской топонимии для называния узких ущелий между скалами, по дну которых проходит тропа или протекает ручей. Она выступает также в качестве названий узких, со скалистыми берегами проливов. В «Описании ...» этот топоним выглядит несколько странно: *Рауда веррава маа* (конечное *маа* < *маа ‘земля’). Дело в том, что входящее в состав топонима *veräjä* ‘ворота, калитка’ является преимущественно карельским и восточнофинским словом, не получившем широкого распространения в западных финских диалектах [SSA] и, соответственно, старофинском литературном языке, сложившемся на основе западных диалектов. Можно предполагать, что картограф соотнес это не вполне понятное ему слово с широко известным карельским типом причастий с конечным элементом *-ja*, которому в финском языке соответствует *-va*: ср. кар. *kynäjä* – фин. *kynävä* ‘пашущий’, кар. *tietäjä* – фин. *tietävä* ‘знающий’. В результате в документе появляется форма на *-ва веррава*. Кстати, на то, что автор карты действительно мог иметь в виду причастие, указывает, видимо, и

двойное *-pp-* в корне, позволяющее предполагать, что он соотносил топоним с глагольной основой *vertaa-* (*vertata*) ‘сравнивать’.

Несмотря на финнизацию, «Описание...» сохраняет бесспорные карельские элементы. Известно, к примеру, что древнерусское слово *крест* было усвоено в карельские говоры в виде *tisti* и *tista* (ср. в финских только *tisti*). Так что отразившееся в документе название покоса *Ристан нурми* ‘Крестовая поляна’ и острова *Пень Риста Сапет* (кар. *Pieni Ristasoari ‘Маленький Крестовый остров’) указывают именно на карельский исток топонима.

Карельские истоки имеет и зафиксированный в «Описании» мыс под названием *Руския калю Ниеми*, букв. ‘мыс Красной скалы’. Именно в карельском языке слово *tuskie* (< *tuskea) имеет семантику ‘красный’, в финском же *tuskea* ‘коричневый’, а для обозначения красного цвета используется слово *ruipainen*. Знаменательно, что на финских картах XX в. мыс назван переводным финским названием *Punainenmiemi* ‘Красный мыс’. Этот топоним перекочевал и на современные русские топографические карты (мыс *Пунайненниеми*). Документ XVIII в. оперирует карельским названием.

На самом деле, несмотря на тенденцию к употреблению финнизированной топонимии, в документе немало сугубо карельских штрихов. Среди них наиболее отчетливы, пожалуй, карельские антропонимы в составе географических названий Валаама. Кроме упомянутого выше острова *Ходарин Саари* можно отметить название покоса *Повелин лаген нурми* (**Roavelin lagien nurmi*), в котором выступает православное мужское имя Павел в карелизированной форме *Roaveli*. В названии залива *Домойн губа* (*Domoiinguba, *-guba* заимствовано из севернорусских говоров в карельское употребление), при котором позднее возник скит Всех Святых, и урочища *Домойн Ранда* (*Domoinranda, *-randa* ‘берег’) выступает карельский вариант *Domoi* довольно редкого мужского православного имени Домн. При этом карельский антропоним восходит, скорее, не к официальному, а к неофициальному гипокористическому варианту *Дома* [Петровский 1984]. Названия внутреннего озера *Лесой ламби* (*Lesoilambi, *-lambi* ‘лесное озеро’) заманчиво возводить к *Lesoi* – карельскому варианту русского православного мужского имени Елисей. Антропоним был широко представлен в средневековом Приладожье [SN]. Современное название этого озера – *Лецево. Лецевым* озеро названо и А. П. Андреевым в его книге о Ладожском озере [Андреев 1875]. Местная традиция связывает название озера с тем, что в озере водятся лещи. В принципе топоним хорошо вписывается в русскую систему лимонимов и теоретически дает основание предполагать, что топоним возник, например, на монастырском Валааме до XVII в. и был затем преобразован в карельское *Лесой*. Однако при расшифровке этого топонима следует иметь в виду некоторые дополнительные факты. То, например, что все другие внутренние озера Валаама имеют прибалтийско-финское

название: в написании источника XVIII в. *Пало Ламби, Валам Ламби, Кукконен Ламби, Кари Кандо Ламби, Муста Ламби, Мелица Ламби*. Кроме того, именно на Лещевом озере, особенно по западному берегу, находятся удобные для ведения земледелия земли. Это обстоятельство в совокупности с тем, что описание валаамских угодий отмечает в окрестностях *Лесой ламби* топонимы, появление которых можно связать с хозяйственной деятельностью, заманчиво предполагать, что именно здесь на западном побережье озера могла находиться одна из деревень шведского времени³, а в названии ламбы сохранилось указание на владельца крестьянского двора, которым мог быть некий Елисей, по-карельски Лесой. В таком случае русский вариант Лещево – это, возможно, результат переосмысления карельского оригинала. Впрочем, не исключен и самостоятельный путь рождения русского названия.

Наиболее убедительный критерий для выявления карельского наследия в топонимии Валаама – это так называемые дифференцирующие карельские топонимические модели. Исследование топонимов свидетельствует о том, что в рождении новых географических названий большее значение принадлежит т. н. моделям названия, свойственным данному языковому коллективу в данное время и на данной территории. Новые топонимы подстраиваются под готовую модель – структурную, семантическую, лексическую. Ниже рассмотрены некоторые лексические модели, характерные для карельской топонимии и отличающие ее, например, от финской.

В «Описании ...» отмечен остров под названием *Нило сара* (*Nilosoari или *Nilossoari) у северного побережья острова Валаам. Название отсутствует в современных списках и картах, однако анализ последовательности перечисления объектов в разных источниках позволяет предполагать, что у А. П. Андреева это *Нало-сари* (возможно, опечатка или описка), а на финских картах XX в. *Matalasaari* ‘низкий, заливаемый водой, остров’. Это небольшой островок, представляющий собой низко выступающую над урезом воды скалу. Топооснова *pilo* ‘(прибрежная) скала, омываемая водой’ хорошо характеризует эту особенность острова. В контексте нашего исследования существенно то, что основа *pilo* является карельским маркером, т. е. она свойственна карельской (прежде всего собственно-карельской) топонимии, в то время как в родственных топонимных системах – хяме, суоми, вепсской – не получила распространения [Vahtola 1980: 70–72; Kuzmin 2001].

Еще одна дифференцирующая лексическая карельская модель закрепилась в названии острова, который на современных топографических картах отмечен как остров *Пень*. Название является явным переводом приводимого финскими картами *Kantosaaari* (фин. *kanto* ‘пень’). Однако при интерпретации топонима следует иметь в виду, что в карельских говорах Приладожья *kanto* имеет еще и значение ‘перешеек; основание мыса’, которое

---

³ В XVII в. по свидетельству некоторых документов на Валааме было четыре крестьянских двора [Спиридонов, Яровой 1991: 57].

очень продуктивно в карельской топонимии [Nissilä 1975: 86]. Финляндский исследователь Алпо Ряйсянен, проанализировав целую серию топонимов с основой *kanta* ~ *kanto* и его производным *kannus*, пришел к выводу о том, что они представлены в названиях очень незначительных по величине островков, непосредственно примыкающих к более крупному острову или прибрежному мысу. Иногда речь идет о мысе, соединяющемся узким перешейком с материком и лишь при большой воде превращающемся в остров [Räisänen 2000: 46]. Валаамский остров *Kantosaari* хорошо укладывается в эту характеристику. Он является практически продолжением более крупного Емельяновского острова, расположенного в юго-восточной части архипелага, и отделен от него узким проливом.

Модель по свидетельству А. Ряйсянена представлена в топонимии Восточной и Северной Финляндии – в пределах старого карельского расселения. Добавим, что она продуктивна и в Карелии, причем, как и в Приладожье, именно в наименованиях островов и мысов.

В составе Валаамского архипелага источники разного времени отмечают не менее трех островов под названием *Кабак*. Один из них расположен у северного побережья, при этом под именем *Кабак* он числился в XVIII и XIX вв. В более поздних документах это *Lokkisaaret* (Локкисаарет), фин. *lokki* ‘чайка’. Два других отмечены Андреевым как *Кабака* и *Кабан* (современный Зимняковский остров) в восточной части архипелага. Все валаамские Кабаки похожи друг на друга: это очень небольшие, низко выступающие над водой острова, без особой растительности, с неровной поверхностью, т. е. возвышения чередуются с низкими местами. Эта характеристика замечательно укладывается в значение карельского слова *kabakka* или *kabakko* ‘неровный, бугристый’. Слово применимо, например, к разрезанной дороге, которая, высыхая после дождя, становится бугристой, неровной [KKS]. Никакого отношения к русскому слову *кабак*, с которым связывает происхождение названия народная этимология (на остров, якобы, высаживали пьяных монахов, возвращавшихся с материка в монастырь), попавшая и в научные издания, название не имеет.

Таким образом, несмотря на значительную финнизацию и русификацию топонимии Валаама, непосредственно связанную с судьбами Валаама и северного Приладожья, в ней обнаруживаются сугубо карельские маркеры в виде карельских форм православных имен, карельских лексем в составе топооснов, а также дифференцирующих карельских топооснов. Такая характеристика дает основание предполагать, что и многие другие топонимы Валаама, внешне совпавшие с финскими (вследствие близкого родства языков), в действительности имеют карельские истоки.

В связи с поиском карельских маркеров есть смысл обратить внимание на характерные для топонимии Северного Приладожья структурные модели, отличающие этот регион от смежных территорий. При том, что поиск структурных маркеров в прибалтийско-финской топонимии в связи со значительной монолитностью ее структурного облика затруднителен и

не слишком эффективен, в нашем случае есть по крайней мере один яркий дифференцирующий элемент – формант *-mo*, которым оформляется и само название Валаам – *Valamo*. Название главного острова архипелага входит в один ряд с другими известными в Северном Приладожье топонимами с суффиксом *-mo*. Среди них есть название озер (*Laitimo, Valtimo, Paltamo, Uramo* и др.), а также островов (*Kinalmo, Linkamo*).

Ареальная характеристика структурной модели довольно любопытна. Основной ареал модели тянется из Северного Приладожья на север, в ареал водной системы озера Пиелинен, где путь ее раздваивается: основной поток уходит через систему оз. Оудуярви на запад к Ботническому побережью. Однако некоторое количество топонимов на *-mo* проникает в Беломорскую Карелию – примечательный ареал, ибо он привязан к тому транзитному пути из Приладожья на север, который был освоен древними карелами уже к началу второго тысячелетия. Заманчиво предполагать, что топонимный ареал отражает как раз это раннее продвижение корелы, что, в свою очередь, позволяет наметить некие критерии (ареальные, хронологические) для поиска этимологии загадочного названия Валаам – *Valamo*. Предпринимавшиеся до сих пор попытки расшифровки топонима пытались обычно связать его конечный элемент с финским словом *maa* ‘земля’ (что, заметим в скобках, противоречит языковым реалиям) и игнорировали ареал на *-mo*.

Что касается самого суффикса *-mo*, то он используется в прибалтийско-финском словообразовании как формант, образующий производные с локативным значением как от именных, так и от глагольных основ: *kaalamo* ‘брод’, *veistämo* ‘место, где делают (букв. строгают, от *veistää* ‘строгать, выстругивать’) лодку’, *ojamo* ‘русло канавы’, ср. *oja* ‘канавка’ [Hakulinen 1968: 140, 173]. Имея местное значение, суффикс как нельзя лучше подходит для топонимного функционирования. Возможно, основанием для появления топонимной модели послужили географические термины, первыми закрепившиеся в топонимии Приладожья. Среди таковых, например, известные в Северном Приладожье *Kaalamo* (*Koalamo), ср. кар. *koalamo* ‘брод’ от глагола *koaloo* ‘переходить вброд’, или *Suistamo*, ср. фин. *suistamo* ‘дельта реки’. Впоследствии суффикс обособился и стал использоваться в сугубо топонимической функции. При этом, как свидетельствует топонимный материал, он мог присоединяться как к прибалтийско-финским, так и саамским основам: *Paltamo* содержит в основе прибалтийско-финское слово *palte* ‘склон, косогор’ [Räisänen 1982: 116], *Sotkamo* может восходить к прибалтийско-финскому *sotka* ‘утка нырок’ [Hakulinen 1968: 140], с другой стороны, *Vuonamo* сопоставимо с саамским *vuona* ‘длинный узкий залив’.

Как в этом контексте должно интерпретироваться *Valamo*? Видимо, как карельский топоним, восходящий либо к прибалтийско-финскому географическому термину, образованному при помощи суффикса *-mo* от прибалтийско-финской основы или собственно топонимическое образование, в

котором топонимным суффиксом -то оформляется прибалтийско-финская или субстратная основа. К сожалению, более четкого ответа пока что нет.

В топонимии Валаама отражаются характерные географические особенности архипелага. Современный остров *Гольий* (или *Палинсаари*) был зафиксирован в XIX в. А. П. Андреевым под названием *Пальяк*, ср. кар. *paljas* 'голый, лишенный растительности'. Основа оформлена довольно продуктивным в карельской топонимии Приладожья суффиксом -kko (ср. на Валааме острова *Mökerikkö*, *Kabakko). Мотив происхождения современных названий двух островков, прилегающих к Никоновскому острову – Ржаной и Овсяный – не вполне ясен. Во времена Андреева один из них (Ржаной) был известен как *Лухочун*. В свою очередь, в Описании 1798 г. острова идут под названием *Кохта Лога Саарет*. Первый элемент этого сложного названия восходит, видимо, к кар. *kohta* 'расположенный напротив', характеризующему расположение острова по отношению к Никоновскому или к Порфирьевскому островам. В свою очередь, элемент *лога* должен быть сопоставлен с *Лухочун*, в котором основа *luho* оформлена карельским суффиксом -*ssu* со значением подобия выраженному производной основой. Что же касается основы *luho*, то она, скорее всего, связана с карельским словом *luho*, *loho*, характеризующем старую, сношенную, гнилую, трухлявую вещь, предмет [KKS]. По устному сообщению О. А. Ярового остров открыт западным ветрам, сильные порывы которых ломают и выворачивают с корнями деревья. Эти гниющие на побережье деревья и явились, очевидно, основой номинации. Есть основание полагать, что аналогичным образом могло возникнуть и название острова *Пехкима саари* [Описание 1798], совр. Ладожский остров, расположенного на противоположной от Лухочуна стороне архипелага и открытого восточным ветрам. В основе топонима карельское слово *pehko*, *pehkivö* 'гниющее трухлявое дерево' [KKS].

Особенно информативны топонимы, связанные с отражением материальной и духовной культуры: острова *Кима Саарет* у южного побережья главного острова от карел. *kiima* 'ток, токовище'; остров *Лато* (совр. *Скалистый*), ср. карел. *lato* 'сарай для сена; амбар для хранения дичи'. Не исключено, что название мыса *Найснiemsи* (*Naisniemi* 'женский мыс') сохраняет память о том, что здесь женщины, сидевших за веслами, сменяли мужчины, т. к. начинался более сложный, требующий больших усилий участок пути. Во всяком случае именно такой мотив называния приписывает аналогичным топонимам в бассейне р. Вуоксы финляндский исследователь В. Ниссиля [Nissilä 1939]. Название острова *Ристь Сапи* (*Крестовый остров*) и мыса *Риста Ниemi* (*Крестовый мыс*) связаны с хорошо известной на крупных водоемах Карелии традицией ставить крест на последнем острове или мысе перед выходом в открытые воды. Особый интерес в контексте древних верований представляет название расположенного на восточной окраине архипелага острова *Лембос*. В Описании 1798 г. приводится соответственно название *Лемби саарет*, а у Андреева *Лембачь-саарет*, ср. кар. *lembo(i)* 'черт, леший'.

В топонимии архипелага сохранилась и память о прежних жителях островов. Кроме упомянутых выше отметим здесь остров *Амелка* (*Емельянов остров*) – кар. *Ameŋka* ‘Емельян’, мыс *Ходари Ниemi* (*Федоровский Нос*) – кар. *Hodari* ‘Федор’, мыс *Курика Ниemi*, в основе которого заманчиво восстанавливать широко распространенный в Северном Приладожье древний карельский патроним *Kurikka* [SN]. Возможно, некоторые из них маркируют места размещения на архипелаге в XVII в. крестьянских хозяйств. Не вполне ясны в этом контексте истоки топонимов *Куккосен нурми*, *Куккосен Сур нурми* (*nurmi* ‘покос’) [Описание 1798]. С одной стороны, в основе логично восстанавливать фамильный антропоним *Kukkonen*, широко распространенный в средневековом Приладожье [SN]. С другой стороны, однако, земли, в названии которых выступает данная основа, примыкают к заливу, названному в финских источниках *Kuukanlahti* (*lahti* ‘залив’), в конце которого находится окруженное болотом озерко *Кукканен Ламби* [Описание 1798]. Узкий и длинный залив тянется на несколько километров, а в прошлом, возможно, был еще длиннее и включал в себя озеро *Кукконен* с окружающим его болотом. Это заставляет внимательнее приглядеться к возможностям саамской интерпретации, ср. саам. *kuukkas (с основой *kuikkaa-*, *kuik-*) ‘длинный’. Данная лексическая модель получила активное распространение в топонимии Приладожья [Sammallahti 1999]. Следует, однако, признать, что саамская страница в истории топонимии Валаама и особенно механизмы возможной преемственности саамской топонимии на архипелаге требует специального анализа.

Карельская топонимия Валаама стоит в одном ряду с карельской топонимией Северного Приладожья. Для многих валаамских географических названий обнаруживаются лексические, семантические, структурные аналогии в топонимии северного побережья Ладожского озера, свидетельствующие о единых этноязыковых истоках этой топонимии.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев 1875 – Андреев А. П. Ладожское озеро. СПб., 1875.
 Криничная 1979 – Криничная Н. А. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978.
 Криничная 1991 – Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.
 Описание 1798 – Описание карты угодий Валаамского монастыря, состоящего в Выборгской губернии в Кексгольмском уезде, составленного в 1798-м году землемером Морицом фон Дрейером. ЦГА РК, ф. 762, оп. 2, 1/19.
 Петровский 1984 – Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1984.
 Спиридонов, Яровой 1991 – Спиридонов А. М., Яровой О. А. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия (очерки истории Валаамского монастыря). М., 1991.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1965 -.
 Hakulinen 1968 – Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.
 Häkkinen 1994 – Häkkinen K. Agricolasta nykykieleen. Suomen kirjakielen historia. Juva, 1994.

- KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1 – 5. Helsinki, 1968 – 1997.
 Kuzmin 2001 – Kuzmin D. Vienankarjalaisten paikannimimallien asutushistorial-lisesta taustasta // Läänemeresoome ühendusteel. Voro, 2001.
 Nissilä 1939 – Nissilä V. Vuoksen paikannimistö. 1939.
 Nissilä 1975 – Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
 SN – Pirjo Mikkonen, Sirkka Paikkala. Sukunimet. Keuruu, 1992.
 Räisänen 1982 – Räisänen A. Kainuun murteiden ja nimistön opas. Kajani, 1982.
 Räisänen 2000 – Räisänen A. Kannus-nimet metaforanimiä // Hiidenkivi. № 5. 2000.
 Sammallahti 1999 – Sammallahti P. Saamen kielen ja saamelaisten alkuperästä // Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki, 1999.
 SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
 Vahtola 1980 – Vahtola J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Rovaniemi, 1980.

Л. В. Михайлова
 Петрозаводск

К ИСТОРИИ ТОПОНИМИИ ВАЛААМА

Сложная история Валаама, многочисленные войны, пожары, отсутствие на острове постоянного населения привело к тому, что многие исторически сложившиеся названия объектов Валаамского архипелага были утрачены и могут быть прослежены только по историческим документам. Важным источником, раскрывающим историю Валаама, являются топонимы, оставленные бывшим населением и, особенно, – микротопонимы.

Целью настоящей работы является выявление специфики географических названий объектов Валаамского архипелага в связи с историей его заселения.

Основной исследования являются полевые материалы. Сбор микротопонимии осуществлялся в течение 1980–1990 гг. на территории островов Валаамского архипелага по специальной топонимической программе, насчитывающей 50 вопросов. Была создана картотека, включающая около 200 карточек.

Кроме полевых материалов в работе использовались письменные источники, содержащие географические названия островов Валаамского архипелага. Это, в первую очередь, документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Карелия, Выборгском архиве, в архиве Ново-Валаамского монастыря в Финляндии. Сюда же относятся различные публикации о Валааме, научно-популярная и художественная литература. Были исследованы схемы и карты Валаамского архипелага с топонимами русского, карельского и финского происхождения: «Описание карты